

Максим МАТВЕЕВ

След света

Максим МАТВЕЕВ

След света

<https://litres.ru/74634387>

SelfPub; 2026

Аннотация

Однажды вечером он стоял на мосту и смотрел на фонари. И вдруг заметил, что за обычной картинкой города проступает ещё одна — чуть прозрачнее, чуть холоднее.

Люди шли теми же маршрутами, но в других позах, машины стояли не там, где сейчас, а там, где были десять секунд назад.

И между этими слоями, между «сейчас» и «минуту назад», в узких щелях времени, мелькали совсем другие фигуры — не люди, не тени, а будто отражения чьих-то несбывшихся решений.

Максим МАТВЕЕВ

След света

Следы света

повесть

Оглавление

Глава 1. Промежуток

Глава 2. Дежавю и сигналы в прошлое

Глава 3. Граница

Глава 4. Кто посылает свет

Глава 5. Смотрящий

Глава 6. Перекрёстное движение

Глава 7. Угол падения

Глава 8. Те, кто не вернулись

Глава 9. Цена трещины

Глава 10. Последний сигнал

Эпилог. Утро, в котором нет вопросов

Глава 1. Промежуток

Артём сидел у окна и смотрел, как по улице идёт соседка с собакой. Пёс резко рванул поводок, соседка чуть не упала, но удержалась. Артём улыбнулся: он уже видел эту сцену раньше. Не в воспоминаниях, а буквально — минуту назад. Потому что он умел видеть «следы света».

В их городе об этом знали немногие, но все, кто замечал странности, рано или поздно приходили к одному выводу:

свет не просто переносит картинку — он хранит её. Каждая волна, каждый фотон нёс с собой не только цвет и форму, но и мгновение времени. И если научиться смотреть не на предмет, а на путь, по которому пришёл свет, можно увидеть, каким этот предмет был секунду, две, пять секунд назад.

Для большинства людей эта задержка была ничтожной — доли миллисекунды, незаметные глазу. Но для Артёма, с его странным зрением, эти доли складывались в целые кадры. Он видел не настоящее, а тонкую плёнку недавнего прошлого, словно мир был покрыт прозрачной кинолентой, где каждый слой — это ещё одно «сейчас», которое уже успело стать «тогда».

Однажды вечером он стоял на мосту и смотрел на фонари. И вдруг заметил, что за обычной картинкой города проступает ещё одна — чуть прозрачнее, чуть холоднее. Люди шли теми же маршрутами, но в других позах, машины стояли не там, где сейчас, а там, где были десять секунд назад. И между этими слоями, между «сейчас» и «минуту назад», в узких щелях времени, мелькали совсем другие фигуры — не люди, не тени, а будто отражения чьих-то несбывшихся решений.

Он слышал шёпот — не ушами, а где-то внутри, как будто звук тоже цеплялся за свет. «Ты видишь границу», — сказал голос, которого не было. «Между тем, что случилось, и тем, что могло случиться. Между мирами».

Артём не сразу поверил. Но потом начал замечать закономерности: каждый раз, когда кто-то делал выбор — по-

вернуть налево или направо, сказать «да» или «нет» — в этом крошечном временном промежутке, пока свет нёс старую картинку, появлялся ещё один вариант. Не параллельная вселенная в привычном смысле, а мгновенный отголосок возможного. Как будто Вселенная на долю секунды держала оба варианта открытыми, и свет, летящий к глазам, успевал захватить оба.

Однажды он увидел, как в этом «промежутке» его собственная фигура пошла другой дорогой — свернула в переулок, которого он никогда не выбирал. И когда он решился шагнуть туда, мир на мгновение дрогнул: цвета стали ярче, звуки — глубже, а воздух будто потяжелел от чужой вероятности. Он не исчез, не попал в другую реальность навсегда — он просто коснулся её краем взгляда. И понял: эти миры не существуют отдельно. Они живут в каждом мгновении задержки, в каждой секунде, которую свет тратит на дорогу к нашим глазам.

С тех пор Артём перестал смотреть прямо на вещи. Он смотрел на свет, который их нёс. И в этой тонкой плёнке времени находил целые истории: как кто-то не успел сказать важное слово, как случайный поворот мог бы изменить целую жизнь, как мир каждую секунду выбирает, каким ему быть — и оставляет следы этого выбора в лучах, летящих сквозь воздух.

И когда соседка снова шла по улице с собакой, Артём видел не только то, что происходит сейчас. Он видел и то, что

только что было, и то, что едва не случилось. И понимал: прошлое — это не то, что ушло. Это то, что всё ещё летит к нам, освещая дорогу в будущее.

Глава 2. Дежавю и сигналы в прошлое

Артём стоял на том же мосту, но теперь он не просто смотрел на слои времени — он учился их читать. В последнее время его всё чаще накрывало дежавю: не как смутное ощущение, а как чёткая вспышка, будто кто-то быстро пролистывал кадры, которые ещё не случились. Но он знал: это не будущее. Это свет, который уже прошёл мимо него секунду назад и теперь возвращался отражением от стекла, от мокрого асфальта, от витрин. И в этом отражённом свете мелькало то, что вот-вот должно было произойти.

Однажды дежавю ударило особенно сильно: он вдруг увидел, как поскользнётся на обледеневшей ступеньке у подъезда, и в ту же секунду его тело дёрнулось, чтобы шагнуть в сторону. Он не успел подумать — оно само знало. Позже он назвал это «сигналом в прошлое»: крошечный импульс, который успевал добежать до его нервной системы раньше, чем до глаз доходила полная картинка. Мозг считывал не только изображение, но и микровибрации, поля, едва уловимые сдвиги в спектре — и превращал их в предчувствие.

Учёные бы сказали, что это эффект опережающей обработки: мозг предсказывает следующий кадр на основе предыдущего. Но Артём знал, что дело не в предсказании. Дело в том, что «следующий кадр» уже летел к нему — про-

сто с другого угла, с другого отражения, с другой задержкой. Свет от фонаря, отскочивший от машины, приходил на миллисекунду раньше, чем прямой свет от самого фонаря. И мозг, сам того не осознавая, складывал эти два сигнала в одну картину — чуть опережающую реальность.

В тот вечер он ждал Лену. Она опаздывала, и он снова и снова ловил в слоях времени её силуэт: вот она выходит из метро, вот сворачивает на боковую улицу, вот останавливается у киоска с кофе. Каждый раз он видел её на несколько секунд «раньше», чем она появлялась на самом деле. И каждый раз это было не просто наблюдение — это было как будто она сама посылала ему крошечные сигналы, чтобы он не забывал, что она идёт.

Когда она наконец подошла, он улыбнулся и сказал:

— Ты опять отправила мне предупреждение.

— Какое предупреждение? — она засмеялась, поправляя шарф.

— Что ты будешь стоять у киоска и думать, брать ли второй кофе.

Она замерла, потом рассмеялась уже тише:

— Я и правда думала. Откуда ты знаешь?

Он не стал объяснять про свет и задержки. Вместо этого он просто взял её за руку и тихо сказал:

— Иногда мне кажется, что мы все друг другу посылаем эти сигналы. Просто большинство их не слышит.

Лена посмотрела на него серьёзно:

— А если это не сигналы в прошлое... а память о будущем? О том, что уже случилось в каком-то другом слое?

Он кивнул. Ему нравилась эта мысль. В ней было больше поэзии, чем в формулах. Но и наука не противоречила ей: если время — это не прямая линия, а многослойная плёнка, то каждое решение оставляет след не только позади, но и впереди, как рябь на воде. И свет, летящий сквозь эту рябь, несёт в себе не только прошлое, но и эхо возможных вариантов.

Они пошли по набережной, и Артём снова начал замечать эти тонкие границы: где один слой времени чуть накладывался на другой, где мелькала тень того, что могло бы быть. И вдруг среди этих теней он увидел нечто новое: не просто возможный поворот или случайный жест, а чёткий, почти осязаемый сигнал. Как будто кто-то намеренно оставил для него метку — в виде едва заметного сдвига цвета, в виде странной тишины между звуками города.

— Стой, — он резко остановился.

— Что? — Лена тоже замерла.

— Там... впереди. На перекрёстке. Сейчас проедет машина. Не по правилам.

Лена нахмурилась, но не спорила. Они остались на тротуаре, и через несколько секунд из-за поворота действительно вылетела машина, проскочив на жёлтый. Если бы они пошли дальше, она бы их едва не задела.

— Это был не дежавю, — тихо сказал Артём. — Это был

настоящий сигнал. Кто-то... или что-то... передало мне предупреждение.

Лена не стала смеяться. Она просто крепче сжала его руку и сказала:

— Значит, мы не одни в этих слоях. И если кто-то может посылать сигналы, значит, мы тоже можем.

С того вечера они начали учиться оставлять свои собственные «следы». Не слова, не записки, а тонкие, почти незаметные вещи: особый поворот головы, едва уловимый жест, микро паузу в разговоре — так, чтобы свет, отразившись от их кожи, от их глаз, уносил с собой не просто картинку, а крошечный код, понятный только им двоим. И когда один из них потом «считывал» этот код в слоях времени, он знал: его помнят. Его ждут. Его берегут.

Артём всё чаще думал, что вся любовь — это и есть такой сигнал. Мы оставляем в мире крошечные метки, чтобы те, кто нам дорог, могли нас найти даже в промежутке между «сейчас» и «минуту назад». И может быть, именно в этих промежутках, в этих задержках света, и живёт настоящая магия — не вопреки науке, а вместе с ней.

Глава 3. Граница

С той ночи, когда машина едва не сбила их на перекрёстке, между Артёмом и Леной появилась новая тишина — не уютная, а острая, как трещина в стекле. Они научились оставлять друг для друга «следы» в слоях света: едва уловимый поворот головы, паузу перед словом, тень улыбки. Эти

метки помогали им видеть друг друга сквозь временные промежутки, но чем лучше они считывали эти сигналы, тем яснее становилось: не все послания приходят от них самих.

Однажды вечером Артём увидел Лену раньше обычного — не на пару секунд, а на целую минуту. Она стояла у фонарного столба, смотрела прямо на него и будто пыталась что-то сказать, но губы не двигались. А потом он заметил: в её глазах не было привычного тёплого оттенка. Вместо него — холодный, стеклянный блеск, как будто радужка отражала чужой мир. И в ту же секунду его накрыло не дежавю, а чувство, похожее на удар: он понял, что это не Лена из их времени. Это была её версия из другого слоя — из того, где выбор пошёл по иному пути.

Он рванулся к ней, но, стоило сделать шаг, «картинка» дрогнула и начала рассыпаться на полосы, как на старом экране. И тут же из глубины этого разлома проступила другая фигура — не тень, не отражение, а нечто плотное, почти материальное. Оно двигалось не так, как люди: без инерции, без дыхания, будто само пространство изгибалось вокруг него.

«Не подходи к границе», — прозвучало у Артёма в голове не голосом Лены, а чем-то чужим, низким и тяжёлым, как эхо в пустой шахте.

В ту же минуту настоящая Лена догнала его на набережной — запыхавшаяся, с мокрыми от дождя волосами.

— Ты куда? Я кричала, а ты будто не слышал!

Он обернулся, и в этот момент мир снова дёрнулся: на долю секунды он увидел, как из «промежутка» между слоями тянется тёмная рука — и тут же исчезает, когда Лена схватила его за рукав.

— Там... там была ты, — пробормотал он, всё ещё чувствуя холод на коже, хотя дождя не было.

— Где? О чём ты?

Он не смог объяснить так, чтобы она поверила и не испугалась. А она и без объяснений испугалась — не за себя, а за него. Потому что видела, как он смотрит сквозь неё, как ловит в воздухе невидимые сигналы, как вздрагивает от звуков, которых никто больше не слышит.

Их «следы» начали работать против них. Однажды Лена оставила ему метку — лёгкое касание плеча перед уходом, чтобы он потом, в слоях времени, мог найти её среди других отражений. Но когда Артём «считывал» этот жест в промежутке между мгновениями, он видел не только её улыбку, а и то, что следовало за ней: как в том, другом слое, она делает шаг вперёд — и исчезает в темноте, которую он не мог ни объяснить, ни остановить.

Это стало их общей болью: он видел её возможные гибели в каждом отражении, а она чувствовала, что он всё дальше уходит туда, где реальность становится зыбкой.

«— Я не хочу, чтобы ты жил в этих промежутках», — сказала она однажды, сидя на подоконнике и глядя, как город дрожит в свете фонарей. — Пусть мы будем просто здесь.

Сейчас. Даже если это на секунду позже, чем свет долетает до глаз.

— А если именно в этой секунде я могу тебя спасти? — тихо ответил он.

— А если в этой секунде ты теряешь меня?

Они спорили, мирились, снова спорили, и каждый раз, когда казалось, что всё наладилось, из «промежутка» приходил новый сигнал — не предупреждение, а намёк на то, что граница между мирами истончается.

И вот однажды сигнал пришёл не в виде тени и не в виде дежавю. Это был голос Лены — но не её обычный голос, а такой, будто говорил кто-то, кто слишком долго смотрел в пустоту. Он прозвучал в его голове ровно за три секунды до того, как она вошла в комнату.

— Не открывай дверь на лестницу. Там, где свет падает под углом сорок пять градусов, граница ломается.

Артём замер.

— Откуда ты знаешь? — спросил он, хотя знал, что это говорит не она.

— Потому что я уже была там. И не смогла вернуться.

Лена вошла, ничего не подозревая, улыбнулась, протянула ему чашку чая. А он смотрел на тень от лампы на полу — ровно под тем углом, о котором говорил голос. И понимал: если он сейчас выйдет на лестницу, если пересечёт эту линию света, он может увидеть её другую версию. И, возможно, эта встреча будет стоить ему настоящего.

— Останься, — вдруг сказал он, сам не понимая, к кому обращается — к ней или к той, другой, из промежутка.

— Что? — она нахмурилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.